

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

1010

В. М. Духопельников Ярослав Мудрый

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519654
Ярослав Мудрый: Фолио; Харьков; 2009
ISBN 978-966-03-4799-1

Аннотация

Князь Ярослав продолжил главное дело жизни своего отца, Владимира Великого, – «собрание» древнерусских земель. Он восстановил единство Киевской Руси, укрепил государственный аппарат, заложил основы судебной системы и провел культурные преобразования. Именно при нем Киевская Русь стала самым большим государством Европы. Все это дает историкам основание утверждать, что время правления Ярослава, прозванного Мудрым, – это время наивысшего расцвета Киевской Руси.

Содержание

«Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал править»	5
На пути к возмужанию	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Духопельников

Ярослав Мудрый

В истории Древней (Киевской) Руси многие русские князья оставили заметный след. Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым, среди них по праву занимает ведущее место. Он, продолжив дело своего отца Владимира Великого, собрал воедино отпавшие после его смерти земли, восстановил территорию государства, укрепил государственный аппарат, заложил основы судебной системы, провел очень значительные культурные преобразования. При нем Киевская Русь стала крупнейшим государством Европы. Все это дало основание историкам утверждать, что время правления Ярослава Мудрого (1019 (20) – 1054) – это время наивысшего расцвета Киевской Руси.

Ярослав был человеком, сумевшим преодолеть собственные недостатки. Не обладая большой физической силой, характерной для многих князей того времени, он показал себя смелым воином и бесстрашно вел войска в сражения. Родившись в языческой среде, Ярослав стал истинным христианином. Отодвинутый историей на задворки, будучи лишь четвертым сыном Владимира, Ярослав сумел пробиться к великокняжескому столу и сохранить его в течение почти тридцати пяти лет. При этом он был одним из образованнейших людей своего времени.

«Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал править»

Далекое прошлое русской, а в настоящее время и украинской, истории вызывало раньше и продолжает сегодня вызывать многочисленные споры, порождает разнообразные, порой диаметрально противоположные точки зрения и выводы. И это вполне закономерно. Первые летописи на Руси начали составлять в Киеве и Новгороде, предположительно с конца X – начала XI столетия. А дошедшие до нас летописи, включающие материал этих ранних свидетельств, датируются концом XIV–XVI столетием. Естественно, за это время на Руси утекло много воды, произошло много событий, изменивших конфигурацию государственных границ. Понятно, что летописцы, писавшие в поздние времена, видоизменяли тексты, вносили свои правки и дополнения. Вспомним пушкинского монаха Пимена, который трудился в тиши монастыря. И труд этот был нелегким, об этом говорит и монах из Нижегородского княжества Лаврентий: «Радуется купец прикуп сотворив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних... А ныне, господа отцы и братья, оже ея [если] где описал, или переписал, или не дописал, чтите [читайте], исправляя Бога дела [ради Бога], а не кляните, занеже [так как] книги ветхи, а ум молод, не дошел». Это единственная сохранившаяся летопись, у которой имеется конкретный автор. А начинается она с «Повести временных лет», написанной еще в начале XII столетия в Киеве монахом Нестором: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля».

Автор «Повести» начинает свое повествование рассказом о том, как разделена была земля между сыновьями Ноя. «По потопе [после потопа] трое сыновей Ноя разделили землю – Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу... Хаму же достался юг... Иафету же достались северные страны и западные... Дунай, Днестр, Кавказские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же Иафета сидят русские, чудь и всякие народы...» Далее автор рассказывает о племенах славян, которые в будущем составят Русское государство. «Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне (жили в среднем Поднепровье. Здесь основан Киев), древляне (рядом с полянами, вдоль реки Припять), новгородцы, полочане (на территории современной Беларуси), дреговичи и радимичи (верхнее течение Днепра), северяне (современная Черниговская и часть Сумской области), бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами. А вот другие народы, платящие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы – эти говорят на своих языках, они – потомство Иафета, живущее в северных странах». Таким образом, летопись свидетельствует о том, что на этой стадии у славян существовали государственные образования, поскольку они собирали дань с соседних племен. Затем автор характеризует быт и нравы славянских племен: «Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее – кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища

между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах...»

Рассказывая о нраве и быте славян, летописец не забыл упомянуть и о том, что «жили они на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно». Здесь же помещен рассказ о возникновении на землях полян города Киева: «И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне узвоз Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев... и были те мужи мудры и смыслены...» Затем автор приводит другую легенду, вероятно, распространенную в его время: «Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: “На перевоз на Киев”». Но эту версию он отбрасывает, говоря: «Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил». Умер Кий, как и его братья и сестра, в Киеве.

После смерти Кия и его братьев, по версии русского летописца, в жизни восточных славян наступает черная полоса. Мимо Киева проходят то болгары, то обры, то угры [венгры]. На княжества восточных славян нападают кочевники – хазары. В Новгородской земле хозяйничают норманны – варяги [жители северных стран]. Летописец пишет: «Варяги из-за моря взимали дань с чуди и со славен, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма».

Восточные славяне воюют друг с другом. Борьба происходит и внутри каждого княжения. Особенно остро она разгорелась на северо-западе, среди племен, живших около озера Ильмень. «И начали сами собой владеть, и не было среди них правды, – пишет летописец, – и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «... поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались Русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти [прозывались]. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля...» Было это в 862 г. «Через два же года «умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик».

Приведенный текст позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, до призвания варягов Рюрика в славянских землях уже существовали определенные государственные образования: «начали сами собой владеть» или «поищем себе князя». Во-вторых, Рюрик княжит в Руси: «И взяли с собой всю Русь». В-третьих, династия Рюриковичей утверждается первоначально на северо-западных землях.

Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о том, как Рюрик был призван в славянские земли, нет, то по сему поводу историки России и Украины уже более двух с половиной столетий ведут между собой ожесточенные споры. Тех, кто поверил летописи, называли норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, стали называть антинорманистами. Кроме этих двух

точек зрения, существует и третья – об автохтонном (т. е. местном) происхождении славян, русского народа и государства Русь. Эту точку зрения ее сторонники обосновывают топонимикой среднего Поднепровья. Так как исторические споры сторонников этих направлений не влезут в десяток пухлых томов, остановимся на наиболее вероятной версии событий. И прежде всего выясним, кто такие варяги.

Термин «варяг» в российской и украинской литературе (в западноевропейской литературе этот термин практически не встречается) в основном употребляется в собирательном смысле: северные люди – норманны. Многие современные исследователи считают, что и викинги – воины или разбойники, торговцы. (В древнескандинавском языке *vaŋingr* происходит от *var* – верность, порука, обет; т. е. союзники, члены корпорации.) Именно викинги, или норманны, к концу I тысячелетия достигли берегов Америки, а в VIII–X столетиях они наводили ужас на всю Европу. Смелые воины, разбойники и купцы, вооруженные длинными прямыми мечами, норманны всюду приводили в трепет местное население. В самом начале IX в. норманны проникли на земли восточных славян и стали собирать с них дань. Здесь они соприкоснулись с хазарами. Через посредство хазар варяги начали торговать с арабским Востоком. Через несколько десятилетий после того как был найден путь к хазарам, варяги открыли Днепровский путь, ведущий к Византии, – «путь из варяг в греки». Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной и Восточной Европе и зачастую оседали там, становясь князьями, графами и даже королями. Такая же судьба была уготована Рюрику и его последователям. Так, в летописи мы встречаемся со следующей записью: «И было у него [Рюрика] два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на холме небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Было три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Итак, в Киеве появились таинственные Аскольд и Дир. Имена этих князей задали много хлопот историкам, которые и до сего времени не могут установить, сколько их было. Двое или один? Арабские купцы говорили, что у руссов есть сильный князь Дир. А вот историк Ю. А. Сяков отождествляет этих бояр с воеводой эмира Кордовы первой половины IX в. Аскольдом аль-Диром. Такой же версии придерживается и другой историк, А. Б. Широкоград. Конечно, она не бесспорна, но имеет право на существование. Дело в том, что византийские источники говорят о походе руссов на Царьград в 860 г. (Русская летопись этот поход датирует 866 г. и говорит о том, что его возглавляли Аскольд и Дир.) Ряд современных российских и украинских историков утверждает, что поскольку Дира не существовало, поход возглавил Аскольд. Если мы примем за истину свидетельства византийских источников, что поход состоялся в 860 г., то, естественно, Аскольд не мог быть боярином Рюрика, поскольку последний пришел в Новгород только в 862 г. Такое утверждение позволяет некоторым украинским и российским историкам сомневаться в том, что Аскольд был скандинавом. Но пора вернуться к конкретному описываемому событию. Дело в том, что еще в 839 г. к французскому императору Людовику Благочестивому прибыло посольство от греческого императора Феофила. При посольстве находилось несколько людей из народа русь. Не позже 842 г. значительные отряды варяго-руссов, как рассказывается в житии святого Георгия Амастридского, появились на Черном море около города Амастрида (город между Синопом и Константинополем). В скором времени последовал грандиозный поход на Царьград, о котором свои свидетельства оставили русские летописи и византийские хроники. Правда, расходятся они между собой не только в датировке похода, но и в характеристике славян-руссов. Русская летопись этот поход описывает так: «Отправились [в 866 г.] Аскольд и Дир войной на греков, и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила». Здесь летописец выдерживает

хронологию, поскольку ранее он упоминал: «В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля». Далее летопись повествует: «Царь же был в это время в походе на агарян... Эти же вошли внутрь Суда (предместье Царьграда), совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей... Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».

Византийский же источник сообщает, что из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору: «Было нашествие варваров, россов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – губительный и на деле, и по имени народ... посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде принести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их (нечестивые) алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостать...»

Взять Царьград тогда россам не удалось, но они полностью опустошили окрестности столицы Византии и, заключив мир, отправились восвояси. Возможно, в это время Аскольд и часть его дружины приняли в Царьграде христианство. По крайней мере, позже княгиня Ольга над его могилой поставила деревянную церковь в честь святого Николая.

Но возвратимся к событиям, происходившим в русских землях. Под 879 г. летописец записывает: «Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал». Игорь, согласно данным летописи, родился в 875 г. На Руси начался период правления Олега, прозванного Вещим.

О первых годах правления Олега в Новгородской земле летописец нам ничего не рассказывает. Можно предположить, что это было время собирания большой и сильной дружины, которую Олег планировал использовать для воплощения своих грандиозных планов – продвижения на юг, установления контроля над важнейшим торговым путем «из варяг в греки».

Год 882-й. В летописи находим: «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся русью». Для историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Летописец о правлении Олега повествует скупой, кратко сообщая, что тот совершил несколько походов на славянские племена и заставил их, где силой, где угрозами, платить дань Киеву. Начал он в 883 г. с древлян, на следующий год пошел на северян, затем почти

двадцать лет ушло на покорение дулебов, хорватов и тиверцев, но кривичей покорить не удалось. Эти походы Олега свидетельствуют о том, что земли восточных славян в это время имели довольно слабые политические и экономические связи как с Киевом, так и между собой. Кстати, это характерно было в тот период для многих стран Европы. Но до 1991 г. ни у одного из историков не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в состав Древнерусского государства, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину. Но в варяжском происхождении княжеской династии мало кто сомневался.

Сейчас трудно сказать, занял бы князь Олег достойное место в русской истории, не соверши он в начале X ст. свой знаменитый поход на Византию и не прибер щит к воротам Цареграда. Летописец это описывает так: «В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “Великая Скифь”». Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников на 2000 судах. На каждом из судов разместилось по 40 ратников.

Когда русские суда достигли Босфора, то греки перекрыли цепями и бревнами вход в залив Золотой Рог. Тогда, повествует летопись, «вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги». Далее, возможно, для прославления полководческого таланта Олега, летописец рассказывает легенду: «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов...» Греки согласились выплатить Олегу «на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину» (одна гривна = 170 г серебра). Кроме того, выплатить дань для русских городов: Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча «и других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу... И повесил [Олег] щит свой на воротах в знак победы, и пошли [русские] от Царьграда... И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим...» (Сомнительно, чтобы Олег потребовал дань для Переяславля, поскольку этот город основан внуком Игоря Владимиром.)

Успешный поход Олега на Византию завершился не только получением большого выкупа, но и заключением выгодного для Руси торгового договора. Русские купцы, пришедшие в Константинополь, могли в течение шести месяцев торговать беспошлинно. Но место проживания им отвели в пригороде у церкви Св. Мамы. Купцы на время проживания, после переписи их имен, получали продукты питания: хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи. Снабжались они продовольствием и на обратную дорогу домой. Правда, входить в город они имели право только через одни ворота, по 50 человек, без оружия, в сопровождении византийского чиновника. Интересно, что этот договор император Леон закрепил целованием креста, а Олег со своими мужами клятвою оружием и славянскими богами Перуном и Велесом.

Жизнь этого воинственного князя и собирателя восточнославянских земель в единое государство закончилась таинственным образом. Это прекрасно изобразил в своем произведении «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкин. А вот что об этом говорит «Повесть временных лет»: «В год 6420 (912). Жил Олег в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него

не садиться. Ибо когда-то спрашивал волхвов (кудесников): «От чего мне смерть будет?» И сказал ему один волхв: «Князь! Коня любишь и едешь на нем, – от него тебе и умереть!» Теперь Олег вспомнил о нем, призвал конюха и спросил: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег посмеялся и укорил кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь; конь умер, а я жив». Затем Олег приехал на место, где лежали кости коня, слез с седла и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне придет?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. «И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица». Киевский стол занял Игорь, сын Рюрика; по нашим подсчетам было ему тогда 38 лет.

Летописец в годы правления на Руси Олега об Игоре упоминает всего два раза: в 903-м и 907 гг. В первый раз говорится о женитьбе Игоря на псковской княжне Ольге, во второй – о том, что Олег, отправляясь в поход на Византию, оставил Игоря в Киеве.

Скупое говорят летописцы и о внутренней политике Игоря. В летописи мы встречаем всего два упоминания о походе Игоря в 913-м и 945 гг. на древлян, которые не захотели давать дань и дружинников Киеву. Причем в первый раз Игорю удалось победить древлян и возложить на них дань большую, чем они платили Олегу. Второй же поход закончился гибелью Игоря. Что же произошло? Летописец описывает это так: «В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда (воевода Игоря) изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле...» Существует легенда о страшной казни, которую придумали древляне для Игоря. Пленного Игоря они привязали к верхушкам двух наклоненных деревьев, а затем отпустили их.

Говорит летописец и о том, что в 915 г. впервые на Русь приходили печенег (кочевой народ южных степей), но заключили мир с Игорем и ушли на Дунай. Позже они стали союзниками Игоря в его походах на Византию.

Больше внимания уделил летописец внешней политике Игоря, прежде всего отношениям с Византией.

Первый поход (десять тысяч кораблей) Игоря на Византийские владения, вероятнее всего на Малую Азию, состоялся в 941 г. Вначале русские дружины имели успех. Летописец сообщает: «Всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли». Русские вели себя в этой стране как варвары-завоеватели. Но греки собрали свои войска и одержали на суше победу. Оставшиеся в живых русские дружинники сели в свои ладьи и двинулись домой. Однако в море их встретил византийский флот. Греки стали «трубами пускать огонь на ладьи русских», – повествует летописец. И «было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись, – и так оставшиеся их возвратились домой». Здесь они рассказали своим, что греки «будто молнию небесную имеют и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Неудача не сломила Игоря. В 944 г. он «собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев – и нанял печенегов, и заложников у них взял, и – пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя». Но сражения не произошло. Греки предложили выкуп, на который и согласилась дружина

Игоря. На следующий год между государствами был подписан мирный договор. Правда, он оказался для Руси менее выгодным, чем договор Олега.

Когда через некоторое время после этого похода Игоря убили древляне, на княжеский стол села его жена Ольга, поскольку, как пишет летописец, его сын Святослав был ребенком. И здесь летописцем заложена новая интрига. В. Н. Татищев в своей истории указывает, что Игорь женился на Ольге в 903 г., а Святослав родился в 920 г. Летописец же под 946 г. записывает: «Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Древлянскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня, ударило коня в ногу, ибо был Святослав еще ребенок». Так был Святослав ребенком или 26-летним мужчиной? Кто прав? Летописец или В. Н. Татищев? Предположим, что прав летописец, и Святославу на время похода было лет 5–6. Тогда Игорю было минимум 60 лет, а Ольге – 50–53 года. (Биологи утверждают, что рождение ребенка в таком возрасте возможно.) А что Татищев? Он пишет, что о рождении Святослава говорят только Новгородская летопись и Рогожский летописец. Остальные же летописи об этом не упоминают. Что ж, будем считать, что Святослав был поздним ребенком.

Ольга, судя по имени (греческий император Константин Багрянородный приводит его скандинавскую форму – Хельга), была варяжка из Пскова. Она управляла государством до 964 г. Ольга, согласно преданиям, была мудрой женщиной. Она хитростью мстит древлянам, хитростью берет древлянскую столицу Искоростень, наконец, в Царьграде оказывается хитрее императора. Но не за одну хитрость Ольгу прозвали мудрейшей. Она объехала всю свою землю и повсюду оставила следы своей распорядительности, устанавливая «уставы» (как и что делать) и определяя «уроки» (обязанность, которую должны выполнять жители к определенному сроку, будь то уплата известной суммы денег или какая-нибудь работа и т. п.). Одновременно она определила места (погосты), куда в определенное время года должна была свозиться дань для киевского князя. Таким образом, Ольга сменила архаическую систему полюдя (сбор дани князем, количество которой определялось его жадностью, на строгую систему сбора определенного количества дани. Теперь дань привозили на погосты, где ее принимали княжеские чиновники (тиуны).

Ольга прекратила внешние походы, стоившие людских потерь, а наиболее заинтересованных в таких походах – прежде всего наемных варягов – отправляла в качестве вспомогательных отрядов в Византию, где они сражались с арабами и прочими врагами империи.

Ольга с дипломатическими целями сама ездила в Царьград. Летописец под 955 (957) г. записал: «Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду». Но здесь случился казус, который, вероятно, из каких-то политических соображений опустил автор «Повести временных лет». Дело в том, что Ольга просидела на своем корабле, ожидая приема у императора, более двух месяцев, о чем она немного позже напомним послам императора в Киеве: «Если ты [император] так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе [обещанные подарки]». Но вернемся к пребыванию Ольги в Константинополе.

Когда император увидел княгиню, то был пленен красотой ее лица и разумностью мыслей. Легенда повествует, что император якобы ей сказал: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Ольга поняла это как предложение императора стать его женой, но ответила: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». Император вместе с патриархом крестили Ольгу и нарекли ее христианским именем Елена. Император после крещения вновь обратился к Ольге: «Хочу взять тебя в жены себе». На что Ольга ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». Император поразился ее мудрости, одарил богатыми подарками и отпустил домой. Таким образом, благодаря крещению Ольга вошла

в высшие придворные круги византийского общества, ей в Византии был присвоен титул архонтиссы, то есть начальницы руссов.

«Передышкой» в правлении Ольги воспользовался ее сын Святослав, деятель необычайно энергичный и воинственный, одна из самых ярких фигур русской истории. Святослав начал править еще при жизни матери. Под 964 г. летописец записал: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал». Стоит отметить, что, в отличие от матери, Святослава не интересовало внутреннее управление государством, которым Ольга ведала до самой смерти. Святослав почти не сидел в Киеве и все недолгое время своего самостоятельного правления (около 8 лет, с 964-го по 972 г.) провел в далеких походах. Несмотря на все настояния матери, Святослав не захотел принимать христианство и остался язычником. «Как мне одному переменить веру? – говорил он. – Дружина начнет смеяться надо мною». Святослав любил суровую походную жизнь, он в походах, по словам летописца, «не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, такими же были и все прочие воины». Когда же шел войной против кого-то, делал это открыто. «И посылал в иные земли со словами, – записывает летописец, – “Хочу на вас идти”».

Святослав, подобно Олегу и Игорю, начал свою деятельность борьбой с хазарами. После похода на вятичей, данников хазар, он пошел войной и на само царство. Главные города хазар – Саркел (Белая Вежа) на Дону и Итиль на Волге – покорились русскому князю. Однако поход Святослава на хазар имел совершенно другие цели, нежели набег Игоря. Набег Игоря – это простой грабеж. Святослав же имел намерение прочно обосноваться в этом районе и обезопасить свой тыл на время планируемых им походов на запад. Можно предположить, что, разгромив хазар, Святослав принял и титул их государя – каган. По крайней мере, преемники Святослава этот титул носили, и в середине XI в. митрополит Илларион величал этим титулом как Владимира Святого, так и Ярослава Мудрого.

Походы Святослава на запад начались в 967 г. с кампании против дунайских болгар. Поход оказался успешным. Святослав захватил город Переяславец на Дунае и в нем утвердился. «Хочу жить в Переяславце, – заявлял князь, – там середина моей земли, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров (венгров) – серебро и кони, из Руси – меха, мед и рабы». Возможно, мечты Святослава и осуществились бы, если бы не появление новых и опасных врагов – печенегов. Дело в том, что, разгромив хазар, Святослав увел оттуда свои дружины и тем самым открыл путь на Русь новым кочевникам – печенегам. Они не заставили себя долго ждать. Уже под 968 г. летописец записывает: «Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце». После этого похода до 1036 г. были и другие. Часто печенеги появлялись сами, но иногда их приглашали и русские князья, используя в братоубийственной войне.

На западе Святослав, захватив болгарские земли, оказался у границы с Византийской империей. Греки не могли равнодушно смотреть на то, что на Дунае один противник (болгары) сменился другим (руссами). Византийский император Иоанн Цимисхий, один из самых блестящих полководцев Византии, лично повел свои войска на Святослава, одолел его и запер в крепости Доростоле. Святослав должен был заключить мир на условии удаления из Болгарии, в результате чего рушились его дунайские планы. Но коварный император не только добился мира на Балканах, но решил нанести Святославу удар и со стороны степи. Летописец записывает: «А переяславцы (по совету Цимисхия) послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги». На Днепровских порогах Святослав попал в засаду, был убит, и из его черепа печенежский князь Куря сделал себе чашу для питья.

В Киеве начал княжить старший сын Святослава Ярополк, а его младшие братья получили уделы: Олег – в Древлянской земле, а Владимир – в Новгороде. Но мир между братьями был недолог. Уже в 977 г. между ними разгорелась братоубийственная война, которая закончилась только в 980 г. В ходе этой войны были убиты Олег и Ярополк, и на киевском столе утвердился младший из братьев Владимир. Он вошел в историю как Владимир Великий, Владимир Святой, а в народной памяти сохранился как Владимир Красно Солнышко.

Действительно, Владимир оставил по себе светлую память в сознании народа. Особенно важными в этом отношении были не только его равноапостольская деятельность по распространению христианства, но и сохранение мира во всех, собранных им в единое государство, русских землях. В памяти народной остался и его облик – милостивого к дружине и простым людям князя, умеющего, когда надо, карать и воевать, а в добрые минуты готового всех миловать и звать на пир.

Введение Владимиром христианства на Руси было, конечно, делом не одного только политического расчета, но и серьезного внутреннего душевного перелома. Перелом этот нашел отражение в летописи, противопоставляющей нравственную распущенность Владимира до крещения и чистую жизнь его после принятия христианства.

К сожалению, свои положительные черты Владимир не сумел привить своим многочисленным сыновьям. Сразу же после его смерти на Руси разгорелась жестокая братоубийственная война, унесшая множество человеческих жизней, а также нанеся значительный хозяйственно-экономический урон государству.

На пути к возмужанию

Летописи ничего не рассказывают нам о детских годах Ярослава. Больше свидетельств имеется о зрелых годах жизни и деятельности князя. Однако часто они противоречат друг другу. «Повесть временных лет», сохранившаяся в ряде позднейших летописных сводов, говорит о том, что Ярослав любил церковные уставы и книги. Позднейшая 1-я Московская летопись только сообщает, что «был же Ярослав хромоног, но умом совершенен и храбрый в бою, христианин, сам читал книги». Скандинавская «Сага об Эймунде», написанная на рубеже XII–XIII столетий, рисует Ярослава хитрецом, способным на братоубийство и склонным возложить ответственность за него на других. Характеристика эта противоречит традиционному образу благочестивого и просвещенного правдолюбца, но сближается с насмешливой пренебрежительностью к князю со стороны киевской дружины. Упоминание о хромоте князя мы встречаем и у автора «Повести временных лет»: «И стал воевода Святополк, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: “Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!”» Автор Тверского сборника XVI ст. рассказывает о том, что Ярослав в течение долгого времени не мог встать на ноги: он находился при своей матери Рогнеде, «бе бо естеством таков от рождения». Только крещение исцелило Ярослава, как и его отца, от недуга. Он «встал на ноги свои и стал ходить, а прежде того не мог ходить». Эти позднейшие свидетельства порождают много вопросов, вызывали и продолжают вызывать дискуссии среди ученых, выдвигающих различные гипотезы.

Исследования Герасимова, Рохлина и Гинзбурга, связанные с изучением скелета Ярослава Мудрого, обнаруженного в Софийском соборе в Киеве, дают нам некоторое представление о внешнем облике Ярослава. По их мнению, Ярослав был выше среднего роста и прихрамывал с детства, но хромота не могла мешать его ратным подвигам. И только во время сражения со Святополком он получил тяжелую травму от печенежской стрелы, которая на всю жизнь сделала его «хромцом». Но, несмотря на утверждения вышеназванных ученых, версии о тяжелой болезни Ярослава в детстве придерживаются и некоторые современные авторы. Так, А. Карпов в своей книге «Ярослав Мудрый», вышедшей в Москве в 2005 г., утверждает, что тяжелая болезнь не позволяла Ярославу ходить, играть с детворой, что сформировало своеобразную психологию мальчика. Такое состояние сохранялось до его крещения. Иную точку зрения на слова, упомянутые в летописи, в свое время высказал историк Н. И. Костомаров. Он отрицал наличие хромоты у Ярослава, по крайней мере до его ранения, говоря, что воевода Святополк говорил не «хромник», а «хоромник», что означает строитель храмов. Оставим эти дискуссии для исследователей, для нас важно то, что, опираясь на данные различных свидетельств, мы установили: Ярослав был человеком чрезвычайно подвижным и шустрым, превосходным наездником. Иногда он бывал суровым, импульсивным, раздражительным и в то же самое время добрым, отходчивым, сговорчивым. В детские и юношеские годы Ярослав сумел освоить воинскую науку, приобрел те навыки, которые были необходимы правителю. Кроме того, юноша с ранних лет пристрастился к книгам и изучил несколько языков – свободно читал старославянские, византийские, немецкие, латинские и иные рукописные тексты.

Все вышеупомянутые противоречия и несоответствия заставляют нас выдвинуть свою версию биографии князя Ярослава Владимировича Мудрого, причисленного Украинской православной церковью к лику святых.

Ярослав родился (?) от брака Владимира Великого и полоцкой княжны Рогнеды. Знак вопроса, поставленный после слова «родился», это не опечатка, а первый дискуссионный вопрос, относящийся к биографии Ярослава.

Нестор, составитель «Повести временных лет», не указывает год рождения Ярослава. Историк В. Н. Татищев, в результате анализа данных, которые сохранились в летописи (например, под 1054 г. летописец записал: «Преставился великий князь русский Ярослав... Жил же он всех лет семьдесят и шесть»), приходит к выводу, что Ярослав родился в 978 г. Историк С. М. Соловьев датой рождения Ярослава считает 988 г. Этой даты придерживались и большинство советских, да и современных российских историков. Вместе с тем, авторы «Славянской энциклопедии» (Москва, 2001) останавливаются на 978 г. Отталкиваясь от одной или другой даты рождения, мы должны пересмотреть даты других событий, о которых говорит летопись. Прежде всего следует уточнить год сватовства и женитьбы Владимира на полоцкой княжне Рогнеде. Автор «Повести временных лет» женитьбу Владимира на Рогнеде, убийство киевского князя Святополка и занятие Киева Владимиром помещает под 980 г. Вряд ли Ярослав мог появиться на свет ранее женитьбы Владимира. Нельзя верить и записи В. Н. Татищева, поскольку он в одном случае под 975 г. записывает: «Женился князь Владимир новгородский на Рогнеде, княжне Полоцкой, о которой Нестор в 980-м по причине войны с Ярополком написал», а под 980 г. полностью повторяет статью летописи. Кроме того, он также сначала говорит о рождении Ярослава, а затем о сватовстве и женитьбе Владимира. Станным является и то, что летопись не упоминает о дате рождения Изяслава, старшего из братьев Ярослава. Впервые о нем упоминают под 995 г. «Никоновская» и «Радзивилловская» летописи. Они дают рассказ о событии, происшедшем в с. Предславино, где в это время жила Рогнеда. Она решила убить спящего Владимира. Но князь проснулся, и замысел ее не удался. Рогнеда в слезах заявила Владимиру, что на такой поступок толкнул ее сам князь, который разлюбил ее и их малолетнего сына Изяслава. Но эти слова не разжалобили князя. Владимир решил сурово наказать жену. Он приказал ей надеть свадебные одежды и ждать своей участи. Но когда Владимир вернулся и обнажил свой меч, в комнату вошел юный князь Изяслав и сказал отцу: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем». Владимир бросил меч на пол и удалился. Кстати, не странно ли, что, рассказывая об отправке Рогнеды со старшим сыном Изяславом в Полоцк, летописцы не упоминают о Ярославе? Предположим, что к этому времени Ярослав уже родился. Могла ли мать, в таком случае, не вспомнить о нем? И почему Владимир отправил Рогнеду только с Изяславом? Запутанность в события вносит и свидетельство летописи о крещении Владимиром своих 12 (!) сыновей в 989 или 990 г. Интересно, откуда у Владимира за такой короткий срок от византийской принцессы родилось два сына – Борис и Глеб? Киевский синопсис, или краткое собрание из разных летописцев, изданный в Киеве в 70-е годы XVII ст., сообщает, что все двенадцать братьев приняли крещение вместе, в одном источнике, получившем название Крещатик.

Можно предположить, что вкравшуюся в первые летописи ошибку в годе рождения Ярослава в какой-то мере старались исправить последующие авторы, запутывая и без того запутанные события.

Но оставим в стороне эти спорные моменты, уважаемый читатель, и перейдем к повествованию о деяниях Ярослава, которые нашли более полное отражение на страницах летописей.

Ярослав, 4-й сын Владимира Великого, в конце 90-х годов X столетия отправляется на правление в Ростовскую землю. В это время Владимир в качестве соправителей рассадил своих старших сыновей по различным городам. «И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове», – писал летописец. Ростов, по замечанию летописи, в тот период времени был «славным и многонародным городом». В Ростовской земле отрок быстро мужал, формировался его характер. Ярослав сумел наладить хорошие отношения с местным населением. Жил душа в душу с боярством и верно

служил отцу. К концу своего пребывания на княжении в Ростовской земле он основал город Ярославль – при впадении в Волгу реки Которость (или Которосль).

Вот как об этом говорится в народных песнях:

Ах ты, батюшка, Ярославль город,
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь во всей красе,
Промеж двух рек, промеж быстры,
Промеж Волги-реки, промеж Которосли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.